

500 лет присоединения Пскова к Московскому государству

В. А. Аракчеев

Проблемы социально-политического строя Псковской вечевой республики в отечественной историографии второй половины XIX – первой половины XX века

ИСТОРИЯ средневекового Пскова становилась предметом изучения многих историков и еще большего количества краеведов. Следует, однако, заметить, что большинство текстов как дореволюционных, так и современных краеведов были написаны на основе существующей научной литературы, а не источников и не внесли ничего существенно нового в понимание социально-политического строя Псковской вечевой республики, поэтому их анализ не является

нашей задачей. Также вне нашего поля зрения находятся работы археологов, за исключением тех исследований, которые выполнены на материалах письменных источников и сфрагистики.

Первые сведения о социально-политическом строе Псковской вечевой республики были приведены еще в трудах В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина и Е. Болховитинова, однако им было известно ограниченное количество источников, а сам метод их работы не предполагал системно-структурного анализа источников с целью реконструкции ее общественной или политической организации. Можно сказать, что период подлинно

Аракчеев Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой музееведения и археологии Псковского госпедуниверситета им. С.М.Кирова

научных исследований обозначенной нами проблемы начался лишь в середине XIX в., причем с открытия и издания новых источников. Н.Н. Мурзакевич открыл в собрании рукописей М.С. Воронцова список Псковской судной грамоты, на порядок более полный, чем был дотоле известен Карамзину¹. В 1848 и 1851 гг. Археографическая комиссия издает 1-ю и 2-ю псковские летописи, что было существенным шагом вперед по сравнению с ранним изданием М.П. Погодина².

Приступивший в начале 1850-х гг. к изучению истории Пскова С.М. Соловьев, был первым исследователем, получившим в свои руки новую источниковую базу. Несмотря на небольшой объем раздела, посвященного Пскову, Соловьев дал чрезвычайно емкую характеристику его социально-политического строя на страницах своей «Истории России». Соловьев полагал, что псковское вече и во второй половине XV в. сохранило ряд своих прерогатив, в частности распоряжение земельным фондом. Соловьев не видел возможности отдать приоритет какой-либо из ветвей власти Пскова: «князь-наместник, посадники и вече являются во Пскове тремя нераздельными властями, к которым обращались в делах внешних и внутренних и которые решали эти дела по общему совету». В интерпретации известий летописей о функциях, количестве и прерогативах степенных и старых посадников Соловьев склонялся к тому, чтобы признать за выражением «старый посадник» значение посадника, «не в первый раз отправлявшего должность степенного посадника». Соловьев первым в историографии поставил вопрос о происхождении бояр, склоняясь к тому, что не все из них имели аристократическое происхождение, подобно сыну расстриженного дьякона Андрею Иванову³. Таким образом, Соловьеву принадлежат многие идеи о сущности строя Псковской республики, подхваченные позднейшей историографией.

Гораздо менее фундированным выглядит труд историка права И.Д. Беляева. Признавая до середины XIV в. Псков новгородским пригородом, Беляев тем не менее считал, что к времени заключения Болотовского договора Псков обзавелся реальным суверенитетом. Рассматривая Псков как де-

мократическое государственное образование, Беляев усматривал элементы демократии во всех процедурах. Так, «старых степенных посадников» Беляев считал должностными лицами, подвергавшимися поэтапной ротации, когда из степени ежегодно выходил только один посадник, а другой оставался посадничать на следующий годовой срок, именуясь «старым»⁴.

Следующей важной работой по обозначенной проблеме стала книга А. Никитского «Очерк внутренней истории Пскова». Никитский смог создать беспрецедентную для своего времени по методологическому обоснованию и фактическому насыщению работу. Во введении он привел сведения об общественном строе древних славян и предложил собственное методологическое обоснование «начал русской истории». С его точки зрения, коренной недостаток «объективной» школы в историко-правовых науках (С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин) заключался в трактовке рода – основной ячейки славянского общества – как кровнородственного союза. Никитскому также казались не вполне убедительными доводы и «субъективной» школы (Аксаков, Костомаров), представители которой видели в основе древнерусского общества семью и общину, трактуемую «политически». Он предложил понимать род как «фиктивное» или «политическое» явление, для которого кровное родство было не реальным, а прокламируемым, а общину предложил считать родовой⁵.

Первых псковских князей, в том числе Всеволода и Святополка Мстиславичей Никитский не считал собственно псковскими и не видел в их появлении в Пскове обретения последним независимости. Всех первых псковских князей Никитский причислял к роду смоленских Мстиславичей и считал их обычными кормленщиками, осуществлявшими в Пскове военные и судебные функции. Никитский предположил, что уже в XII–XIII вв. в Псков могли присылаться из Новгорода посадники, которые вместе с князем и сотскими могли осуществлять суд⁶. Первым шагом к независимости по Никитскому было появление в Пскове князя Давыда в 1322 г., а окончательно суверенитет Пскова утвердился в результате Болотовского договора 1347–1348 гг. На-

чало Псковской судной грамоты Никитский относил к времени правления в Пскове Александра Михайловича Тверского, полагая, что титул великого князя был употреблен в преамбуле грамоты произвольно⁷.

Отличие в положении псковского князя от положения князя в Новгороде Никитский видел в подчиненном положении псковского князя, который был «простым кормленщиком, обязанным за свои доходы исполнять все службы, которые только могло наложить на них псковское вече»⁸. В противоречии с этим утверждением Никитского находится его же анализ деятельности пригородских наместников князей, которых не было в Новгороде. Псковское вече Никитский считал демократическим органом власти с элементами оклократии: основные черты вечевого устройства «превращали вече в простую сходку жителей старейшего города, да и в пределах последнего не обязывали никого из граждан непрерывным посещением веча, а только предоставляли право на то всем и каждому». По аналогии с Новгородом Никитский заключил, что органом владычества бояр в Пскове был «совет» косвенные доказательства существования которого Никитский усматривал в летописном упоминании малого вечевого колокола, в который звонили не для созыва народа на вече, а для созыва бояр в «сени» Троицкого собора, где по Никитскому могли проходить заседания «совета»⁹.

Никитский считал посадников аристократами, происходившими из среды боярских родов и полагал, что несмотря на господство аристократии, власть посадников ограничивалась конкуренцией между ними, что не позволяло возникнуть авторитарному режиму в Пскове. Никитский проводил аналогии между римским консулатом и псковским посадничеством, двое руководителей которого взаимно контролировали и сдерживали друг друга. В отличие от Соловьева и Беляева Никитский отказывался видеть в выражении «старый степенной посадник» фактические реалии и считал это выражение основанным на недоразумении¹⁰.

По Никитскому аристократический характер общественного строя придавал Пскову необходимую политическую устойчивость. «Власть князя была низведена во Пскове

почти до нуля, да и посадники не могли похвастать особым влиянием на дела, действуя свободно только в рамках, указанных знатью и натываясь при всяком отступлении от них на такие преграды, преодолеть которые они решительно не могли, оттого весь период самобытного существования Пскова представлял собой, так сказать, тишь да гладь, жизнь там текла почти невозмутимым порядком: ничего не слышно о шумных вечах, известия о междоусобных бранях крайне редки, равно как редки указания и на насилия черни»¹¹. Эта образная характеристика некоторое время спустя была почти дословно повторена в «Курсе русской истории Ключевского».

В.О. Ключевский выполнил лишь одно специальное исследование по истории средневекового Пскова – перевод и комментирование Псковской судной грамоты¹². Однако его яркая характеристика социально-политического строя Пскова в «Курсе», будучи по сути глубоко продуманным обобщением исследования Никитского, оказала невероятно сильное влияние на последующую историографию. Приграничное положение Пскова, по Ключевскому, препятствовало возникновению здесь социального антагонизма и партийной борьбы. Поскольку в период пребывания в составе Новгородской земли Псков был частью новгородской «тысячи», в его управлении не было должности тысяцкого. Двое посадников вместе со старыми посадниками, сотскими, старостами концов под председательством князя составляли «правительственный совет», а в узком составе, без кончанских старост – Господу.

Псковское вече, по Ключевскому, унаследовало функции новгородского князя: участие в законодательстве и управлении, назначении и смене должностных лиц. Псковское боярство, обладавшее правом наследственного распоряжения правительственными должностями, в отличие от новгородского не перешло к олигархическому правлению, потому что не обладало крупными вотчинами, что сдерживало его политические притязания. Все это породило, по Ключевскому, «мягкий тон псковской политической жизни», в частности отсутствие «резкого сословного неравенства и хронической социальной розни», давший право назвать политический

порядок Пскова «смягченной, умеренной аристократией»¹³.

После выхода в свет труда Никитского в историографии наступает длительный период повторения одних и тех же положений, подтверждаемых давно известными данными источников. Ситуация усугублялась еще и тем, что российские историки после 1917 г. были вынуждены использовать риторические фигуры исторического материализма: так вечевые республики превратились в «феодалы», класс бояр – в «феодалов», а лейтмотивом политических событий стала перманентная «классовая борьба». В каждом конкретном случае все зависело от такта и темперамента историка, но в отдельные моменты условный фронт академических правил, который для себя проводил каждый исследователь, ломался и тогда даже такой вдумчивый ученый, как И.И. Полосин, выделял из числа бояр группу «изменников-сепаратистов», готовых ради независимости Пскова идти на соглашения с Новгородом или Литвой¹⁴.

В ряде трудов, например в книге И.Д. Мартысевича, социально-политический строй Пскова был изображен в формах, близких к карикатурным. По его мнению, бояре в Пскове «избирались на все наиболее значительные государственные должности – посадников, сотских, губских старост». Даже если абстрагироваться от давно известных в науке фактов замещения должностей сотских представителями «черных людей», то можно опереться на данные конца XVI в., когда в Пскове было не менее 33 сотен, а в Псковской земле – 148 губ, и наличных бояр вряд ли могло хватить на все эти должности. Третьей «эксплуататорской группой» Мартысевич считал «купечество», которое, по его мнению, владело большими землями и имело свое «купеческое вече». В соответствии с предположениями Никитского Мартысевич отождествлял «Совет господ» и «Малое вече», отводя ему руководящую роль в управлении республик¹⁵. Не подкрепленные источником мнения, собственные домыслы, упрощение неоднозначных научных проблем – все это делало книгу Мартысевича устаревшей уже в момент публикации.

В это время выходили и вполне академические тексты, к числу которых несомнен-

но принадлежали книга Н.Н. Масленниковой и статья Б.Б. Кафенгауза о посадниках. Н.Н. Масленникова, посвятившая свою работу присоединению Пскова к единому Русскому государству, не ставила своей целью анализ социально-политического строя Псковской республики, полагаясь на вышедшие к тому времени исследования¹⁶. Целью Кафенгауза было выяснение состава и функций посадников, а также форм их ротации на должности. Приведя из летописей все сведения о посадниках, Кафенгауз отнесся к ним не то, чтобы предвзято, но избирательно. Так, он усомнился в верности количества посадников, указанных в летописном известии о событиях 1509 г., когда в Новгород из Пскова в качестве послов были отправлены 70 посадников¹⁷.

Однако в целом для того времени работа была проведена корректно. Кафенгаузу удалось показать, что перечисленные в летописях посадники были членами совета, должность посадников была наследственной, порядок избрания посадников не известен, двое степенных посадников, ежегодно избравшихся на степень, могли занимать должность вторично, а количество членов совета во второй половине XV в. доходило до 16 человек. Принципиально новых выводов ему сделать не удалось, но в какой-то степени его работа стала завершением целого этапа научных исследований социально-политического строя средневекового Пскова.

Была, однако, и более общая, внеполитическая причина кризиса исторической мысли в 1930-х гг. Она состояла в исчерпанности традиционной источниковой базы и использовании историками обветшалых методов работы с источниками. Между тем, реальные научные исследования в СССР не прерывались, только осуществлялись они в тиши кабинетов историками, сохранившими академические научные традиции. В первую очередь сказанное относится к Н.П. Лихачеву (1862–1936 гг.) – неумолимому новатору, заложившему основу целого спектра специальных исторических дисциплин, и в том числе сфрагистики. В числе изученных им памятников были и псковские вислые печати, которые оказались введены в научный оборот четверть века спустя после кончины автора.

В конце 1920 – 1930-х гг. разворачивались исследования А.Н. Насонова (1900–1965 гг.) в области псковского летописания, которые принесли свои плоды также в следующих десятилетиях. Именно четверть века в 1941–1966 гг. стала самым продуктивным периодом в историографии социально-политического строя средневекового Пскова. В 1941 г. вышел из печати подготовленный А.Н. Насоновым первый выпуск «Псковских летописей», который сыграл революционную роль в изучении местного летописания. Насонов изучил 24 списка псковских летописей и, проведя детальную текстологическую работу, пришел к принципиально иным выводам, заново вводя в научный оборот первостепенный источник.

В отличие от своих предшественников Насонов разбил списки не на две, а на три летописи, причем в основание Псковской 1-й летописи он положил Тихановский список первой половины XVII в., в основе которого лежал свод 1469 г. Это было важным археографическим открытием, ибо до Насонова Тихановский список не привлекался к изданиям даже в извлечениях. Свод 1469 г. по мнению Насонова был отредактирован в 1547 г. в кругу старца Филофея, что отразилось в списках Погодинском и Оболенского. Псковская 2-я летопись дошла в единственном Синодальном списке, сохранившем свод 1486 г. Псковская 3-я летопись включала в себя свод 1567 г., составленный под руководством игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия, который дошел в Строевском списке¹⁸.

Свои наблюдения Насонов обобщил в краткой, но информативной статье, где не только изложил данные о сводах XV–XVI вв., но и реконструировал историю летописания в XIII–XIV вв. Насонов объяснял лакуны в псковском летописании середины XIII в. редакторской работой псковских посадников и дьяков начального периода независимости, когда было важно исключить из летописи признаки былого вассалитета Пскова по отношению к Новгороду¹⁹. Одновременно Насонов подготовил к изданию на новом уровне Новгородскую первую летопись, которая содержала уникальные факты из ранней истории Пскова XII–XIII вв.²⁰ Завершив работу нал псковскими летописями изданием 2-й и

3-й летописей, Насонов предоставил будущим исследователям бесценный материал, до настоящего времени являющийся предметом изучения и дискуссий²¹.

В послевоенный период был заложен еще один камень в основание историографии средневекового Пскова – С.Н. Валк подготовил к изданию вместе с новгородскими и псковские акты²². А уже в следующем десятилетии фонд псковских актов пополнился 35 новыми грамотами, введенными в научный оборот Л.М. Марасиновой²³. Помимо публикации источников исследовательница подготовила обстоятельные комментарии, во многом перевернувшие прежние представления и о сохранности средневековых актов, и о степени освоенности Псковской земли эпохи независимости. Однако новые находки выявили очевидные проблемы: как и большинство ранних поземельных актов псковские грамоты не были датированы, лишь в списках с них содержалось описание свинцовых печатей.

Так на очередь встало изучение псковских печатей, начало которого стало одной из крупных научных заслуг В.Л. Янина. В 1960 г. Янин опубликовал посмертную статью Н.П. Лихачева и свое исследование, а второй свой текст о вислых печатях Пскова издал в приложении к книге Марасиновой²⁴. Возрастающую интереса к сфрагистике способствовало и выдающееся археологическое открытие: в 1961–1962 гг. Г.П. Гроздиловым в Довмонтовом городе было найдено 528 свинцовых печатей, составлявших остатки архива владычных наместников²⁵. Псковская сфрагистика была немедленно переведена Яниным из сферы описания артефактов в важнейшее научное направление в исследовании средневековой государственности. Поскольку печати ставили представители различных государственных институтов, изучение деятельности этих институтов оказалось невозможно без анализа сфрагистического материала.

Янин сыграл также ключевую роль в модернизации дискурса научных описаний. Если в 1950-х гг. историки некритично использовали лексику из репертуара пособий по историческому материализму, то Янин ввел в дискурс трудов по средневековой истории такие выражения, как «институт княжеского

управления», «административный институт», «республиканское управление», «юрисдикция наместников и князя». Рассмотрим идеи Янина о развитии государственности средневекового Пскова, основанные на анализе актового и сфрагистического материала.

В 1960-х гг. в науке были известны три основных сфрагистических разряда псковских памятников: недатированные печати Троицкие, печати псковские с годовыми датами 1424/25 и 1468/69 г., печати владычных наместников и печати новгородских архиепископов. Первую атрибуцию памятников сфрагистики Янин предложил в 1960 г. Проанализировав описание процедуры скрепления актов в договорной грамоте Пскова с Ливонским орденом 1503 г., Янин сделал вывод о том, что «Троицкие» печати принадлежали юрисдикции псковских посадников, в то время как «Псковские печати» были печатями псковских князей²⁶.

В начале 1960-х гг. в изучении псковских древностей были совершены три выдающихся открытия. Это, во-первых, находка печатей из архива владычных наместников в Пскове в 1961–1962 гг. экспедицией Гроздилова, интерпретация государственной символики на псковских монетах XV в. А.С. Мельниковой и открытие грамот XIV–XV вв. Марасиновой. Эти находки заставили Янина пересмотреть свои первоначальные атрибуции. Во-первых, Янин вернулся к идеям А.В. Орешникова и Н.П. Лихачева, датировавших «Троицкие» печати второй половиной XIV в. Теперь Троицкие печати были атрибутированы как регалия владычных наместников, пришедшая на смену печатям владычных наместников обычного типа и наместничьими печатями с изображением Троицы и надписью «Печать архиепископа новгородского»

Поскольку Янину не были известны введенные в научный оборот в 1970–1980-х гг. печати псковских посадников, его новая атрибуция памятников сфрагистики приобрела следующий вид. «До 1425 г. государственной печатью Пскова могла быть только булла владычного наместника, а с 1425 г. ... на протяжении всего XV и начала XVI в. имелись только две сосуществующие вислые печати: булла сместного управления князя и посадника и булла владычного наместника». По его мнению, ст. 50 Псковской судной грамоты «а не запечатает князь, ино у Святей Троицы запечатать, и в том измены нет» «констатирует не равенство юрисдикции князя и посадников, а равенство юрисдикции сместного управления князя и посадника с юрисдикцией владычного наместника»²⁷.

С 1960-ми гг. связаны также завершающие работы по истории средневекового Пскова Б.Б. Кафенгауза: статья о вече и сборник работ, объединивший все его публикации по истории Псковской республики. Кафенгауз привел 66 летописных известий о деятельности псковского веча, что в купе с показаниями актов позволило представить внушительную картину работы этого важного государственного института. С точки зрения Кафенгауза, несмотря на то, что на вече принимались решения об изменениях в законодательстве, призвании и изгнании князя, о внешнеполитических акциях, влияние веча на ход дел в Пскове было заметным, но недостаточно действенным. Действительная власть была в руках боярства, чье господство обеспечивалось боярским советом и посадниками²⁸.

Подводя некоторые итоги развитию исторической мысли применительно к социально-политическому строю Псковской республики, следует отметить конструктивную и новаторскую работу поколений исследователей, чьи труды до настоящего времени лежат в основе наших знаний.

Примечания

- ¹ Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 г. Одесса, 1847.
- ² Полное собрание русских летописей. СПб, 1848. Т. IV; СПб., 1851. Т. V.
- ³ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1989. Кн. 3. С. 158–160.
- ⁴ Беляев И.Д. Рассказы из русской истории. М., 1867. С. 121–122.
- ⁵ Никитский А. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 51–53.
- ⁶ Никитский А. Очерк... С. 93–99.
- ⁷ Никитский А. Очерк... С. 106–107.
- ⁸ Никитский А. Очерк... С. 118.
- ⁹ Никитский А. Очерк... С. 140.
- ¹⁰ Никитский А. Очерк... С. 157.
- ¹¹ Никитский А. Очерк... С. 179.
- ¹² Ключевский В.О. Сочинения. М., 1989. Т. VII. С. 100–122.
- ¹³ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1989. Т. II. С. 87–92.
- ¹⁴ Полосин И.И. Псковская судная грамота//Ученые записки МГПИ. М., 1952. Т. 65. Вып. 3. С. 4.
- ¹⁵ Мартысевич И.Д. Псковская судная грамота. М., 1952. С. 49–61.
- ¹⁶ Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.
- ¹⁷ Кафенгауз Б.Б. Посадники и боярский совет в древнем Пскове//Исторические записки. М., 1950. Т. 33. С. 173–202.
- ¹⁸ Псковские летописи. М. 1941. Вып. 1. С. XXXVIII–XLVI.
- ¹⁹ Насонов А.Н. Из истории псковского летописания//Исторические записки. М., 1946. Т. 18. С. 290–291.
- ²⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.
- ²¹ Псковские летописи. М. 1955. Вып. 2.
- ²² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., 1949.
- ²³ Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М., 1966.
- ²⁴ Лихачев Н.П. Печати Пскова//Советская археология. 1960. № 3; Янин В.Л. 1) Вислые печати Пскова// Советская археология. № 3; 2) Сфрагистический комментарий к псковским частным актам//Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М., 1966.
- ²⁵ Белецкий С.В. Сфрагистика//Специальные исторические дисциплины. СПб., 2003. С. 339.
- ²⁶ Янин В.Л. Вислые печати Пскова//Советская археология. 1960. № 3. С. 248.
- ²⁷ Янин В.Л. Сфрагистический комментарий к псковским частным актам//Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М., 1966. С. 169–170.
- ²⁸ Кафенгауз Б.Б. 1) Вече в древнем Пскове//История СССР. 1966. № 6. С. 110–123; 2) Древний Псков. М., 1969.